

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ»

Заголовок заключен в кавычки, ибо это название очень популярного в 70-х годах зарубежного фильма, шедшего большим экраном и в СССР. Он запомнился не только сюжетом, но и характерной фамилией режиссера — Деникин; правда, в оригинале ударение на первом слоге, но у нас он тотчас проассоциировался с фамилией Антона Ивановича, главного белогвардейца Гражданской войны, в советских учебниках истории даже затмившего адмирала Колчака...

Сюжет же фильма, стандартный уже тогда для западного кинозрителя, для советских людей был новым, необычным: поиски исторических артефактов присутствия внеземных цивилизаций на нашей планете, «заглядывание» в будущее, когда земляне, возможно, снова столкнутся с братьями по разуму и так далее. Общий лейтмотив: ничто не ново под луной; даже в короткой по астрономическим меркам эпохе цивилизации и культуры на Земле возможны повторяющиеся циклы. Как вечно возрождающийся Осирис в древнеегипетской религии. Как птица Феникс...

К чему такая ностальгическая преамбула? А к тому, что мечтать о будущем, вспоминая славное прошлое русской и советской литературы XIX—XX веков, вовсе не вредно. И сразу оговоримся: одно из назначений настоящего очерка — снять некоторое внутреннее напряжение, что возникло у читателей «Приокских зорь», судя по их откликам, от содержания «Колонки главного редактора» предыдущего номера журнала. Так сказать, холодо-тепловая шоковая терапия, используемая в восстановительной медицине, а проще — русская баня с «вылетом» для окунания в сугроб...

А если серьезно говорить, то переживаемый не только нами, но и всем миром, постлитературный период цивилизации — не окончательный приговор, но лишь очередное звено «цикла Осириса». К сожалению для нас, современников, огорчительное звено, имманентное разворачивающемуся сейчас процессу глобализации; см. наш очерк «Глобализация как ноосферный процесс» в одном из предыдущих номеров журнала. В единстве и неизблемости законов природы все это сродни температурным циклам в атмосфере Земли. Еще не утихли панические вопли в мировых СМИ по поводу «необратимого глобального потепления», как уже на глазах «плюс» стал меняться на «минус», а серьезный научный прогноз свидетельствует: уже в конце XXII века нас ожидает очередной малый ледниковый период; предыдущий имел место быть в XIV веке — посмотрите в музее или в альбомах картины «старых голландцев», на которых типичный сюжет: те самые голландцы «рубятся» в хоккей на промерзших искусственных водоемах...

Сметливый читатель уже понял: далее речь пойдет о грядущем новом литературном периоде: если не человечества, то нашего отечества. Ну-у, примерно так. Но здесь снова говоримся, опять же вспомнив упомянутого в предыдущей, «постлитературной» «Колонке» критика Юрия Селезнева и нашего современника Александра Проханова. Особенно Селезнев, лекции которого в Литературном институте слушал в свое время предельно внимательно.

Был Селезнев выдающимся литературным критиком и постоянно говорил нам о

скором творческом взлете русской, советской словесности. Нам, только постигающим азы писательства, казалось: что-то нашему наставнику известно в прогностическом плане, раз он так уверен в грядущем позитиве, но что он полагает пока излишним озвучивать — в смысле говорить изустно и в своих публикациях об онтологии, первооснове ожидаемого творческого импульса...

Сейчас же, спустя треть столетия после тех лекций, думаю, не ошибусь, если попробую «проникнуть» в творческую лабораторию нашего замечательного учителя. Скорее всего, Юрий Иванович в своих убеждениях исходил, как говорят в математике, «от обратного», ибо потребность в прогнозе-идеале обычно возникает у творческого человека из-за неудовлетворенности настоящим. Это и есть движущий мотив. По всей видимости давила ситуация в советской литературе семидесятых годов: бал правили «шестидесятники» и «деревенщики». Не зная подспудных мыслей выдающегося критика, далее говорю только «от себя»: как я думал тогда, причем к сегодняшнему дню мнения не изменил.

Кстати, один из маститых рецензентов на мою дипломную работу по окончании Литинститута, позже изданную книгой «На островах», резюмировал: «...Алексей Яшин является типичным представителем крайне левых «деревенщиков». Ни много, ни мало.

...Это только кажется — и сейчас, и тогда, что «шестидесятники» и «деревенщики», обычно же эти течения объективировались, сливались в конкретных громких «именах» тогдашнего литературного процесса, являлись выразителями дум и чаяний читающего народа. Поскольку же в 60—70-е годы читали массово, то речь идет, вообще говоря, о всем советском социуме: от сугубой интеллигенции до рабочих «от станка» и сельской молодежи. Причем под советским социумом понимается не только его русский, русскоязычный ареал, но в определенном смысле и интеллигенция, молодое поколение союзных республик. На русских, на Москву тогда равнялись...

Действительно, шестидесятники-деревенщики (давайте, объединим и раскавычим эти термины) появились в нужное время и в нужном месте. Но сначала приведем биографическую справку из книги В. В. Огрызко*: «Селезнев Юрий Иванович (1939—1985) вечный борец, в 1977 году на конференции «Классика и мы» он заявил, будто в литературе уже давно идет третья мировая война, тогда же его приставили первым заместителем к Сергею Викулову в журнал «Наш современник»**, но начальник при поддержке Юрия Бондарева все сделал, чтобы отчаянного критика вскоре с работы убрали (официально Селезнева выгнали за то, что он проморгал в какой-то статье слово «руссофобия»)» (С. 515).

...Для полноты характеристики натуры Юрия Селезнева приведем еще одну ремарку из замечательно-содержательной книги В. В. Огрызко: «Его интересовали искания современной прозы, творчество Белова, Лихоносова, Распутина... Но главной своей работой он считал книгу о Достоевском для молодежи» (С. 37).

И еще заместим, что Селезнев, будучи зав. редакцией серии «ЖЗЛ», сделал ее явлением русского, советского литературного процесса. Все же его невзгоды начались после того, как он в № 11, 1981 года «Нашего современника» напечатал повесть В. Крупина «Сороковой день», вызвавшую гнев партайгеноссе на Старой площади...

Теперь читатель живо представит себе личность Юрия Ивановича, его творческое реноме и одиозность его нестандартной натуры на фоне тогдашней, по преимуществу, серой писательской биомассы...

---

* Огрызко В. В. Против течения. Статьи и заметки о современной литературе / Вст. ст. Ивана Гобзева.— М.: Литературная Россия, 2010.— 544 с.

** Первым главным редактором «Нашего современника» был Борис Михайлович Зубавин — мой учитель, то есть руководитель семинара прозы, по Литинституту.— Прим. авт.

Теперь же вернемся к шестидесятникам-деревенщикам, появившимся в нужное время и в нужном месте: в 60—70-е годы «золотой» советской эпохи тех лет... Еще раз извиняемся, еще раз *nota bene*. Внимательный читатель «колонок» нашего журнала уже отметил: ваш покорный слуга никогда не употребляет имен собственных, ведь речь о современных литераторах. Во-первых, их имена и так «просвечивают» из контекста, то есть человек литературно просвещенный без труда угадывает персоналии, а неофиту их и знать не интересно. Во-вторых и в главных: у нас — имеется в виду весь социум, окормляемый СМИ и чиновниками всех рангов — все более и более крепнет позиция обезьянничества с Запада (вспомните хрестоматийного «аршавского портного»). Самое паскудное, извините за «мягкую» степень грубости, что с той же Америки берут не лучшее, что у них имеется, но что явно не вписывается в русские традиции.

...Мы уже не говорим о холерической мировой кампании «борьбы» с курением и употреблением виски-джина-водки. Всякому самодостаточно мыслящему человеку уже давно понятно: вся эта «борьба» лоббируется на планетарном уровне некими заинтересованными силами... Но вот юридический американизм: пресловутая ювенальная юстиция, все возрастающая роль адвокатского крючкотворства... Особенно последнее. Вспомните, уважаемый читатель: что вы слышали об адвокатах в советское время? — Да почти ничего. А сейчас мы вплотную приблизились к американской ситуации, когда рядовой янки-дудль без адвоката, извините за легкое преувеличение, опасается зайти в туалет или сходить «налево» к любовнице.

Вот поэтому мы и стараемся не упоминать имен собственных: недохвалишь, а то и вовсе неодобрительно отзовешься — жди повестку и адвоката стороны обвинения. Не сам обиженный литератор «вчинит иск», так сонм вечно голодных наследников набегит...

Так все же — появление шестидесятников-деревенщиков в «золотую» советскую эпоху. Они оказались читающей страной, то есть тогда в с е й страной, архивостребованы после долгого периода необходимо-номенклатурной литературы. Как расслабляющий теплый душ по-домашнему после изнурительного трудодня в жару-пекло, а для служащих еще и в галстук и пиджачной паре.

Сталин — вот истинно притча во языцех! — здесь был ни при чем. Потому и пишем сложносочиненно: «необходимо-номенклатурная». Шолохов, Федин, Gladков, Фадеев, Мариэтта Шагинян, Всеволод Кочетов и все другие — писатели «горьковского призыва» — тоже пришли в свое время и в нужное место. А время-место, как в квантовой механике, у всех их было единым и трудным, ибо приходилось во имя поставленной цели порой «наступать на горло собственной песне», — это построение великой советской страны: империи по мощи и государственным амбициям, общества — по социальной гармонии, где впервые в мировой истории каждый осознал себя Человеком!

Но подошла пора и для теплого душа: мировая система социализма создана, народ накормлен телесно, а международный авторитет страны настолько высок, что даже ООН с подачи СССР дала щелчок по носу мировой финансово-олигархической системе империализма, приняв резолюцию, осуждающую воинственную идеологию сионизма.*

Недостаточно накормить народ пищей телесной, потребовался и деликатес для духовно созревшего советского человека, в том числе, конечно, и литературный. Так и был дан зеленый свет шестидесятникам-деревенщикам, самим людям грамотным,

---

* Для современной масс-медиа наши СМИ, кося известно под кого, именуют сионизмом стремление потомков ветхозаветного народа к переселению на историческую родину... Последнее даже в самом Израиле имеет свое название: алия.

с большим жизненным опытом, если и не фронтовикам, то детям войны и послевоенных трудных лет.

Несомненно, что некоторую роль в их созревании, особенно у фронтовиков, играл и «комплекс 1812-го года»: повидали мир с брони танков, «пол-Европы прошагали», расширили кругозор. Конечно, даже в мыслях у них не было стремления к «декабризму»; упаси Господь! Но мир-то повидали, хотя бы через прицел мосинской винтовки...

Хрущевская «оттепель», хотя бы в пику ненавистному ему Сталину, сменившее ее брежневское благодушие и стали тем полем, на котором разыгрывался сценарий литературного процесса 60—80-х годов. Чем он характеризовался? С одной стороны, несомненный талант истинно русских, советских писателей (поэтов и драматургов, конечно же), требующий безудержного развертывания. Тем более, что огромная аудитория страны духовно подготовлена к «теплому душу», высокограмотна и благожелательна.

Неплохо и со второй стороны: негласный договор с ведомством товарища Сулова со Старой площади. Суть его хорошо интерпретируется английским кодексом самовыражения: при беседе на самые щекотливые темы джентльмены не имеют в виду присутствующих. Плюс девиз железного канцлера Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте».

Так и здесь: говорите и пишите что народ с интересом воспринимает, но «не трогайте за вымя» партию и правительство, не забывая к месту вставить и доброе, ненавязчивое слово о них. Насчет советской власти даже конкордат не требовался: для шестидесятников-деревенчиков она мать родная. А партия-правительство в тоге непогрешимости римского папы гарантирует литераторам необходимо-достаточную свободу творчества, для дисциплинирования и остротки планомерно поощряемую образцовую поркой. Это как в «Капитанской дочке» супруга коменданта крепости направляет судебное действо в отношении подравшихся в бане из-за шайки воды: разобраться да обоих и наказать!

Так и появились в произведениях 60—80-х годов отрицательные персонажи чином не выше заведующих райкомхозами. Как товарищ Саахов в «Кавказской пленнице». Даже без акцентации на их членстве в «нашей партии».

Будем предельно справедливы в оценке творчества шестидесятников-деревенчиков: они с честью выполнили возложенную на них Историей культуртрегерскую миссию, обогатив изредка русскую и советскую в особенности литературу, доведя до совершенства метод социалистического реализма, как дальнейшего развития традиционного русского критического реализма.

При такой солидной методологической базе последняя в определенном смысле оказалась клеткой-западной для литературного творчества. Все дело в закостеневшей к 60-м годам идеологии. Как и предупреждал Генералиссимус* в начале пятидесятых годов — знаменитая дискуссия о насущном создании политэкономии социализма, которую Маркс не создал, да и не мог по определению создать, — догматизация марксизма-ленинизма в условиях построенного в СССР социализма есть ситуация тупиковая. Что спустя три десятилетия увя, подтвердилось самым горестным для страны образом...

Выше головы не прыгнешь (исключая Брумеля), раз приняли наши писатели правила игры, то и сами оказались в позиции пата. Осознание этого приходит только сейчас, но, скорее всего, как раз Селезнев-то это прекрасно понимал. Отсюда и его неизбывная мечта о грядущем творческом импульсе, который когда-то пронзит

---

* Автор «Колонки» ни в коей мере не навязывает своего мнения, но все же рекомендует ознакомиться с книгой: Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.— М.: «Московский Парнас», 2010.

русскую словесность. Понятно, что даже в раскованной атмосфере и аудитории Литинститута Юрий Иванович не мог говорить открытым текстом. Это было бы почище его «третьей мировой войны в литературе» и достопамятной «руссофобии» (см. выше).

Мы «заявили» в контексте настоящего очерка два имени: Юрия Селезнева и Александра Проханова. В смысле их оптимизма о будущем русской литературы. Что касается второго из названных, то главный редактор «Завтра» как раз и является неизбыточным оптимистом. Читайте его передовицы к каждому номеру «газеты государства Российского».

...И мы задумаемся о грядущем новом литературном периоде: грядет ли он, вообще вероятен ли, каковы его ожидаемые черты? Вопросов много — были бы аргументированы ответы в рамках «воспоминания о будущем».

Опять-таки *nota bene*. Автор этих строк, являясь не только литератором, но и ученым в области эволюционной биологии и биофизики, биоинформатики тоже, в настоящее время работает над десятой книгой своей многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы», имеющей характерное название: «Аналоговое и цифровое мышление». Суть развиваемой в книге концепции в том, что процессы мышления каждого человека характеризуются двойственностью представления и обработки биологической информации. То есть речь идет о сочетании аналогового и цифрового, значит, дискретного мышления. В процессе эволюции человека, особенно в исторический период цивилизации и культуры, соотношение между «весом» аналогового и цифрового мышления постоянно изменялось. В настоящее время, когда мы воочию наблюдаем переход биосферного этапа эволюции в ноосферный (по В. И. Вернадскому), намечилась четкая и однозначная тенденция угнетения аналогового, творческого мышления цифровым, компьютерным. Как это отражается на литературном процессе — см. «Колонки» в двух предыдущих номерах «Приокских зорь». Это мы напоминаем читателю.

Компьютерно-цифровое мышление явно не внушает оптимизма в части нашего литературного ренессанса. На чем же зиждется наша робкая надежда на восстановление *status quo* в отечественной словесности? Можно назвать следующие факторы «реабилитации».

Взятие Интернета под контроль государством, но реальнее — «содружеством» глобализованных государств, то есть мировой контроль. Такие попытки уже стали притчей во языцех. Уже реальный, с угрозами отключения сайтов, контроль над содержанием «Википедии» — свободной виртуальной энциклопедией, одним из немногих полезных творений Интернета.

Другой скандал разгорелся в начале июня сего года. Когда достоянием гласности стало предоставление крупнейшими (а они почти все американские) интернет-компаниями доступа ЦРУ ко всем своим сайтам, то есть глобальный шпионаж в виртуальном мире. Много и других примеров, из которых однозначно следует тенденция.

Но читатель спросит несколько ошарашено: «Но причем тут литература, литературный процесс?» — В точку попал уважаемый читатель. Интернетовская, компьютерная литература — главный противник и перехватчик аудитории, особенно молодой, литературы *т о р ч е с к о й*, то есть духовно-словесной, на возрождение которой в новом довлеющем импульсе мы и уповаем.

...Только сугубый идеалист или фарисей полагает, что люди тянутся к Интернету дабы научно или духовно обогатиться. Ученый и без того знает свой предмет, чтобы тратить время на поиски чего-то в 100 %-м информационном шуме «мировой паутины». А читатели художественных произведений с сайтов Интернета? Здесь дело несколько иное. Если ученый сквозь информационный шум отыскивает

крупницу знания, то потребитель компьютерной литературы суть потребитель... информационного шума, каковым и является эта литература.

Еще раз напомним читателю, что под компьютерной литературой понимается нечто иное, нежели, например, чтение того же Толстого или Чехова на экране. Опять же отсылаем за уточнением к предыдущим двум «Колонкам» журнала. Здесь разница, как тот же Антон Павлович писал, все одно что плотник супротив столяра. А говоря языком церковно-славянским, есмь чин ангельский и чин диавольский...

То есть компьютерная литература потребляется в качестве некоторого, причем неосновного блюда в виртуальном обеде: что-то навроде закуски у водочного столика или сыра перед десертом. Во всяком случае, это не черепаший супчик, не бифштекс с кровью... даже не заливной осетр или кулебяка в сложном ранжире меню трактира Тестова... извиняемся, «инженера Gogol'a».

Прикованный виртуальными кандалами к «компю» потребитель пробегает свой ежедневный (ежевечерний) обед: поднадоевшие «Одноклассники», губернский якобы оппозиционный сайт (в Туле — «Пряник.ру»), новости, так сказать, интима физиологического и внутри- и внешнеполитического и так далее. Где-то он попадает на литературный сайт, где пробегает глазами окончание фантастического романа об особенностях морфологии межгалактических ящеров.

Теперь представьте себе, что наиболее «забойные» сайты законодательно прикрыты, а после принятия «антиколумбовского» закона о табакокурении и целой кучи законоуложений с угрозой миллионных штрафов сомневаться в таком сложно, самые посещаемые социальные сети «zagnat w butilka» (см. Ильфа — Петрова) — и что получим? — Получим то, чего и добьется государство, а скорее — глобализованное сообщество: выхолощенный от всяких «свобод» Интернет, к которому мигом все его бывшие адепты теряют интерес. А это уже мощный стимул к возвращению к истинной художественной литературе, ибо, согласно Лейбницу, «природа не терпит пустоты». ...Если, конечно, к этому гипотетическому «взятию под контроль» времени усилиями того Интернета не произойдет полное расчеловечивание (термин А. А. Зиновьева). Но здесь уже и никакая литература не будет нужна:

*А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...**

Так что вполне возможный вариант, главное, соблюдаются два известных русских принципа: а) нет худа без добра; б) «вот приедет барин, барин нас рассудит».

«Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». Это хорошо апробированный историей — ближней и дальней — способ качественного подъема художественной литературы. Даже как-то неудобно характерные примеры приводить; ведь все-таки «толстые» журналы сейчас читают исключительно люди образованные, в смысле, получившие добротное, массово-лучшее в мире советское воспитание-образование, а не купившие диплом экономиста-юриста на интернет-торгах в Харцепетовском филиале Заозерской высшей академии бизнеса и менеджмента.

Кстати, просьба не ассоциировать этот (возможный) путь с концепцией «литературы для литературы». То — другое совсем и по другому поводу...

Поскольку, как мы выше оговорились, читатели «Приокских зорь» есть люди с добротным образованием, то они прекрасно поймут и музыкальное сравнение «литературы для избранных» и «литературы для литературы». Сейчас все околоцерковное в моде, потому и пример возьмем из православных распевов а'капелла.

---

* Яшин А. А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова. — М.: «Московский Парнас», 2011. — С. 256.

Православное пение есть сочетание собственно а' капелла хора, обычно женского, и «дьяконских» басов-профундистов; от латинского profundis — глубина. Если басы исполняют свою партию в контроктаве на фоне энергичного пиано хора — это аналог литературы для широкого читателя; или «избранного», но все равно читателя. Но вот если на фоне тишайшего, нежнейшего пиано хора басы контр-октависты спускаются вплоть до ноты соль контр-октавы, почти до инфразвука — это «литература для литературы». Высокое, понятно, искусство, но им в полной мере наслаждаются сами исполнители. Или очень тонкие ценители, что то же самое.

...Все же вспомним и историю. Собственно, любая литература развивалась и достигала вершин, далее уже не превосходимых, именно в статусе «для избранных». Так было в Древнем Риме, когда эстеты и «эстеты» навроде Калигулы наслаждались высоким слогом античной поэзии и драмы, а свободным гражданам — о рабах и вовсе не говорим — всю эту духовную пищу заменяли страсти на боях гладиаторов: хлеба и зрелищ! До боли знакомая ситуация нашего сегодняшнего бытия: только сейчас избранные — немногие почитатели словесности из «старых кадров», а ничего не ведающий и, главное, не желающий и слышать о «предмете литературы» (см. стихотворные строчки выше), современный а'ля Древний Рим плебс — это довольствующиеся нынешним гладиаторским театром: «комп» для молодых, городские рынки и супермаркеты для женщин, для имеющих власть и/или деньги. Аналогия полнейшая.

А разве «девушки-красавицы» распевали за жнивьем или прядением при лучине «Воспоминания» и «Мой дядя честных правил...»? Потому и знаменитое хождение в народ в 60—70-х годах позапрошлого века во многом не удалось из-за попыток бывших семинаристов апеллировать в описаниях жестокости помещиков и чиновников ссылкой на литературные образы...

Теперь в данном аспекте о возможном будущем. Эпоха глобализма неизбежна; см. наш очерк «глобализация как ноосферный процесс» в «ПЗ», № 3, 2009, С. 228—242. На первых порах, которые уже стомильными шагами наступают, это будет мировой олигархат, в России с нацспецификой: чиновничье-финансовый. Ведь в конце концов нахватают эти чиновники-олигархи и кормящаяся с их рук челядь мешки денег, наедаясь от пуза от «советского голода», перевозят в куриавели вагонами всех московских проституток высшего разряда... а там и дети-внуки подрастут, получив образование-воспитание в лондонях и нью-йорках, усвоив, что «элита» должна демонстрировать себя в оперных театрах и при беседах упоминать литературные имена. Вот и потянет их в театры и к чтению изящно написанного.

Ну, с театрами-то для избранных у нас вопрос уже решен посредством стоимости билетов в престижные обиталища Мельпомены и Полигимнии от ста тысяч рублей и выше. Но потребуются и эта самая изящная литература, а не безграмотные творения «компьютерчиков». А им: здравствуйте, мы туточки, хотите — сотворим рашен-вариант «В поисках утраченного времени», а пожелаете себе для выработки адреналина пощекотать нервишки, так мы и ремейк «Фомы Гордеева» сработаем!

Нравится это вам, уважаемые авторы «Приокских зорь»? Едва ли, да и ждать долго, да все одно опередят; как говорят в Одессе: классики мигом набегут!

...Можно классификацию будущего отечественной словесности продолжить: варианты один ярденее другого получатся, но все какие-то диковинные. Вредное это дело — вспоминать о будущем; все одно пальцем в небо попадешь. Да и сама цель написания настоящей «Колонки» не есть рецептура и успокоение, но напротив — подстегнуть авторов и читателей «Приокских зорь» к размышлениям о современном состоянии отечественной словесности. Все же, как представляется, сейчас остается нам, еще пекущимся о поддержании и дальнейшем развитии русского ли-

тературного процесса один, своеобразный, но столь родной путь, указанный Львом Николаевичем Толстым: самосовершенствование. Все остальное приложится. Было бы к чему прилагать.

Позвольте же завершить настоящую «Колонку» строчками из уже упоминавшегося выше «Видения на Патмосе»:

*О днях утех и месяцах трудов
Играючи мурлычет киска-муза
И не желает признавать союза
Меж ними, а вопрос не так уж нов.*

*Нельзя разъединять участки мозга:
Тот бьет кувалдой, этот — домино.
Опасно раздвоенье, как вино;
Кто позабыл — соленая тем розга!*

*В единстве тесном мысли и души
Вопросы и сомненья разреши:
Ведь бытие не терпит отчужденья.*

*Жить бездуховно — значит и не жить,
А «не гореть» — синоним слову «гнить»,
И между ними нету примиренья.*

* * *

*Пуškai порою слог наш и суров,
Готов серьезно с вами объясниться:
Писать слацаво — лишь о стенку биться
И все равно не избежать пинков.*

*«Глаголом жечь сердца...»,— сказал Поэт,
Не мне чета,— Поэт большебуквённый!
И длится бой с успехом переменным
Уже с тех пор почти две сотни лет.*

*Ворвусь с кнутом в бездушье канцелярий,
Где плесенью покрылся лапидарий
И гнилью растекается округ.*

*Брожу я бледной, нездоровой тенью,
На сердце боль и горечь, ночь ли, день ли:
Где ты, за мерзостью злотенья, друг?*

...Вроде как к месту?

